

— Будет ли объединение всех ДУМ России в единую структуру? Ваши прогнозы?(Мухаметрахимов)

— Возможно, это было бы идеальной формой, но, скажу вам честно, оно пока не ожидается. Если посмотреть историю России, 227 с лишним лет назад изначально в России были созданы два управления: Таврический муфтият в Крыму и Оренбургское магометанское духовное собрание. Мухаммеджан Хусаинов, первый наш муфтий, на тот период был образованным человеком, военным советником, и его попросили стать во главе управления. Он был офицером, дипломатом. В Советском Союзе уже было четыре управления: в Казахстане, в Средней Азии, на Кавказе и в Уфе.

Сейчас управлений много. Конечно, были разговоры, что их надо объединить. Но то, что мы имеем сегодня по факту, уже сложно поменять, оно устоялось. Есть муфтии, которые сокрушаются: почему же так много управлений? Но вы же стояли во главе управления! Почему вы это допустили? Почему вы не усмотрели, недоглядели? Почему вы создали такую моральную обстановку, что от вас люди уходили? Почему не смогли удержать? Нашим коллегам, лидерам на тот период, надо в этом себе честно признаться, постараться переосмыслить, что произошло, и попытаться исправить, а не усугублять ситуацию.

— Сейчас какие ключевые управления?

— Центральное духовное управление мусульман в Уфе (ЦДУМ), Совет муфтиев России, координационный центр мусульман Северного Кавказа. ДУМ Татарстана — отдельная структура. В стране так сложилось, что еще почти два десятка самостоятельных ДУМ, в том числе «Московский Муфтият» и ДУМ Чувашии. Московский был создан в 2010 году, тогда решение о создании ДУМ Москвы и Центрального региона «Московский

Муфтият» было одобрено решением президиума ЦДУМа.

— Откуда возникла такая потребность — создать еще один муфтият?

— Изначально такое решение было принято ЦДУМом, чтобы укрепить ее позиции в Москве. Потом по непонятным причинам началась эпопея затягивания с документацией из Уфы, хотя договаривались, что будет оперативно. Прошло уже 8 месяцев, но так и не дождавшись некоторых бумаг, мы в 2011 году зарегистрировали нашу организацию в составе ЦДУМ. И как обычно бывает, под влиянием молодых специалистов, окружающих шейха, начали возникать вопросы относительно нашего управления в Москве. Сначала было принято решение, что оно необходимо, кстати, на этом настояли члены президиума ЦДУМ, которые впоследствии благополучно были оттуда низложены. А потом со стороны моего руководителя начались бесконечные упреки, сомнения, моральное выдавливание... Это примерно то же самое, как с новоиспеченным верховным муфтием ЦДУМ России Камилем Самигуллиным: предложили Камилю хазрату, а потом пошли на попятную. Не я один это прошел, но и люди, сталкивающиеся с управлением в Уфе, это прочувствовали на своих, как говорится, плечах.

А в Москве идти на непонятную игру было уже нельзя, решение было согласовано. Поэтому наша работа продолжалась. Я еще на тот момент оставался первым заместителем Талгата хазрата, но у нас постепенно начали возникать рабочие внутренние вопросы, по которым мы немного расходились во мнениях. Например, сверхцентрализация структуры. Я старался донести руководству, что это неправильный подход сегодня. Тенденция превращения региональных муфтиятов в непонятные по сути и на слух ахундства, принижения авторитета муфтия региона, лишение их права на кадровые решения, которые ему на месте более понятны. Когда требуется усиление работы по противодействию экстремизму и терроризму, укрепление позиций традиционного толка исламских структур — на тебе, по примеру РПЦ решили поделить муфтияты регионов на ахундства, как епархии. Где уровень работы РПЦ и где мы? У нас должна быть, была и, думаю, будет своя модель структуры исламских организаций.

Дошло до того, что кто-то пытается удержать сотрудников и коллег только силой бумаги, выраженной в уставах и указах, но это уже не полноценное взаимодействие и сотрудничество, а что-то другое, слабое.

Почему я позволил не согласиться с данной позицией? Мой небольшой опыт 20-летнего

служения в регионе подсказывал мне, что сегодня нужно, наоборот, всячески активно поддерживать муфтиев в их борьбе по укреплению позиций традиционной российской богословской школы в деле противодействия экстремизму. Регионам нужны сильные, адекватные, в меру самостоятельные, уважаемые, не дискредитированные муфтии. Авторитеты, принимающие у себя кадровые решения. А тут получается, что чапан у тебя все ярче, чалма все больше, а влиять ни на что не можешь. Так на улице не царские времена XVIII века, все в динамичном движении, необходимо вовремя реагировать на вызовы. И уже тогда начались проблемы. Например, в Пензенской области. Сначала одного имама назначили, потом на него завели уголовное дело, потому что он начал выступать против приверженцев одной из традиционных религий. Когда обратились в Уфу с вопросом, что это ваш человек, дескать, отвечайте, там ответили, что их ввели в заблуждение, что там его не знают. От человека взяли и отказались. Хотя буквально недавно выдавали документ, указ, чалму, потом говорят, что мы его не знаем...

Зачем было вмешиваться в дела регионов? В регионе есть свой муфтий, который несет полную ответственность, знает свой кадровый состав, знает лично людей, он ближе к своему народу. Дайте право человеку определиться на месте. Здесь противоречия не из-за того, что я как муфтий Чувашии терял свое влияние на имамов. Я и тогда предвидел, что мы идем на ослабление структуры, и это неминуемо приведет к расколу. И муфтии потом окажутся свадебными генералами.

«С ТАЛГАТОМ ХАЗРАТОМ МЫ ВСТРЕЧАЕМСЯ НА МЕРОПРИЯТИЯХ, ОБЩАЕМСЯ...»

— В чем причина вашего конфликта с верховным муфтием России Талгатом Таджуддином? В 2014 году Талгат хазрат неожиданно издает указ о вашем снятии с поста муфтия Чувашии и Москвы, но вы ему не подчинились, и в результате у вас с ним вот такие противоречия (Айрат Ахметзянов).

— Согласно федеральному закону, регулирующему деятельность религиозных организаций, мы привели в соответствие документы ДУМ Москвы и Чувашии. Это наше конституционное право на свободу вероисповедания. В уставе муфтията мы прописали, что внутреннее кадровое решение мы принимаем сами, но канонически остаемся в составе ЦДУМ. Но эта формулировка не была принята Уфой! Они написали через минюст претензию о несоответствии использования термина канонического состава.

Тем самым они вынудили отказаться и от этой формулировки. Но устав — это не

главное, это не священный Коран. Мои коллеги — в моем сердце, в моей памяти. С коллегами-муфтиями, которые входят в ЦДУМ, у нас прекрасные взаимоотношения. Может, даже и лучше, чем было. И с Талгатом хазратом мы встречаемся на мероприятиях, общаемся, но уже в юридическом смысле слова не в единой структуре.

Я с глубоким уважением отношусь лично к персоне Талгата хазрата Таджуддина как лидеру и алиму. Что бы ни говорили, как ни относились — эти люди заслужили уважение в исламском сообществе страны. А по духу я, конечно, близок к курсу Оренбургского магометанского закона духовного собрания, предшественника ЦДУМ. Тот 225-летний опыт диалога межрелигиозного, русско-татарского, тюркско-славянского, если хотите, диалога, терять нам нельзя. Это большое наше достояние, наследие наших предков, его сегодня нужно дальше развивать. А ЦДУМ России, думаю, необходимо искать новые, современные подходы управления, методы и формы ее укрепления как структуры. Окружение Талгата хазрата, если дорожат им, должно, на мой взгляд, постараться ему помочь подумать над этим.

— Сегодня и ДУМ Чувашии под вашим управлением, и московское управление?

— В Чувашии в 2013 году был созван съезд, и я поставил вопрос о возможности освобождения меня от должности муфтия республики, чтобы целиком сконцентрироваться на работе в Москве, потому что и в Общественной палате большая нагрузка, и у меня семья. Но все наши 47 имамов отреагировали очень четко и ясно: «Хазрат, вместе 20 с лишним лет, мы работали на ваш авторитет, вы наш религиозный лидер, и пусть теперь ваш авторитет работает на нас. Другого поднимать сколько лет сейчас нужно?»

И это было для меня серьезным аргументом. Имамы, мусульмане мне доверяли, я представлялся везде именем мусульман, и сейчас просто отказаться, занять удобную для себя позицию и оставить их было бы неправильно. Я же понимаю, чего это стоит, самому приходилось структуру создавать. Но мое предложение утвердить отдельно полномочия председателя ДУМ Чувашии в лице Мансура хазрата Хайбуллова было одобрено съездом, нам было высказано полное доверие, а я остался, как и прежде, муфтием региона.

— Что представляет из себя московский муфтият?

— У нас 20 мусульманских приходов, здание резиденции и молельный зал на 250 человек. Сейчас мы ведем работу еще по нескольким объектам в столице, работаем по теме выделения земельного участка, строительства комплекса исламского культурно-просветительского центра с мечетью на территории новой Москвы. Сергей Семенович Собянин обещает рассмотреть и изучить нашу просьбу. Хочется надеяться на положительное решение нашего обращения. Это решение стало бы действенным вкладом в укрепление позиции ислама традиционного толка в столице.

При поддержке правительства Москвы на протяжении пяти лет мы Рамадан и Курбан-байрам проводим в специально выделенных крытых комфортных павильонах, стилизованных под мечеть, куда приходят до десятка тысяч верующих. У нас работает дискуссионный молодежный клуб, женский клуб, воскресная школа, совет аксакалов. Мы близко контактируем с мечетью на улице Хачатуряна, я там иногда провожу пятничные службы.

«КАМИЛЬ ХАЗРАТ СМОГ БЫ ВОЗГЛАВИТЬ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУФТИЯТ»

□ ДУМ Москвы — самостоятельная структура, но на кого вы ориентированы: на Гайнутдина, на Татарстан, на Таджуддина?

□ Мы самостоятельная организация. Конечно, больше мы близки по духу к курсу ЦДУМ, мы в убеждениях канонически схожи. Надеемся, что придет время, и мы объединимся, хотя пока не готов назвать возможную конструкцию. Но если будет желание, ее всегда можно будет придумать. Многие в России с надеждой ожидали, уже не в первый раз поверив уважаемому шейху, что он передаст полномочия Камиллю хазрату, и объединятся два крупных татарских муфтията. К сожалению, это оказалось очередным политическим ходом, или даже не знаю, как назвать...

□ А Камиль хазрат мог бы возглавить объединенный муфтият?

□ Думаю, что смог бы. Но рядом были бы и другие религиозные деятели, поддержали бы, я тоже помогал бы, сколько было бы в моих силах. Понимаете, у верующих, причем

больше всего у молодой части, есть разочарование в религиозных лидерах. Люди, мусульмане уже устали от интриг, этого театра абсурда.

□ Вам не кажется, что мусульманину все равно — есть духовное управление, нет его □
какая ему разница? У него есть своя жизнь, свое отношение к Всевышнему, он читает Коран, а при чем тут духовное управление?

□ То, о чем вы сейчас сказали, это очень страшная вещь... К сожалению, некоторые муфтии все больше превращаются в чиновников. Вот в советские времена народ и религиозные деятели по одну сторону были, а сейчас появилась некая трещина между религиозными деятелями и верующими.

□ А чем может муфтий помочь мусульманину?

□ Муфтий и его управление при желании могут очень многое, это признанная в стране официальная структура с доверительным статусом.

□ Люди так же ходят на работу, молятся, покупают книжки, смотрят телевизор, могут в хадж поехать □ ему ни хорошо и ни плохо от существования духовного управления...

□ Откуда люди эти книги получают, кто эти книги им печатает? А где они слушают проповеди? Кто организовывает хадж, ведет строительство мечетей и медресе, оформляет имущество, земельные участки, платит налоги, заработную плату сотрудникам, накопительные пенсионные взносы? Официальные религиозные структуры! Такую форму деятельности мы получили 228 лет тому назад, впервые тогда царская власть признала объединяющие мусульман религиозные институты в лице духовных управлений.

□ Человека нельзя назначить духовным лидером, он должен это заслужить. Поэтому борьба лидеров муфтиятов — это, скорее, политические разборки между собой.

□ Мне простые прихожане-мусульмане говорят, что им неприятно все это видеть. И религиозные деятели, и простые имамы тоже в смятении, они хотят как-то это остановить. Мы, поверьте, ищем пути объединения.

□ Ваш ориентир на Уфу понятен. А чем вам не близок Совет муфтиев, их политика? Вы идейно расходитесь или организационно?

□ В идеологическом плане не совсем согласен с той позицией их руководства, которую они ведут, — мне она кажется излишне агрессивной. И само сопоставление исламского факта в России мне не совсем понятно иногда. Хотя в структуре подавляющее большинство очень хороших, очень толковых людей, искренних религиозных деятелей.

□ Складывается впечатление, что ваш Московский муфтият — некая альтернатива Совету муфтиев России, создан прямо на его территории. Вас поддерживают политические силы, администрация Путина?

□ Меня всегда поддерживает Всевышний, я ощущаю Его поддержку. Если так думать, то можно вспомнить, как в свое время создавал духовное управление Равиль хазрат. Надеюсь, он сам как прошедший этот путь человек не видит в нас конкурентов. Он был очень близким человеком, секретарем и родственником Талгата хазрата, но потом появилась необходимость в создании его структуры. Я и Равиля хазрата здесь понимаю, почему он стал самостоятельным. Москва — очень большой, сложный мегаполис, и если реально озадачить себя работой, тут не останется времени на выяснение отношений. В некоторых столицах мусульманских стран по несколько сотен районных муфтиятов, и они заняты реальным служением Богу и мусульманам.

□ А ваша логика в чем? Внедрение еще одного мусульманского фактора?

□ Есть сегодня де-факто религиозные организации, которые не входят ни в состав ЦДУМ, ни в СМР, ни в КЦМ СК, и есть необходимость координации их совместной деятельности.

□ В столичный истеблишмент вы уже вошли, вас приглашают в московский Кремль на мероприятия? То есть там, где Таджуддин, Гайнутдин, Бердиев, там и вы?

□ Да, меня тоже приглашают.

Альбир Крганов: «Мусульмане уже устали от интриг, этого театра абсурда»

<http://www.business-gazeta.ru/article/309609>